

ЧТО

ЗА СМЕХОМ?

Название этого фильма останавливает — «Зигзаг удачи».

Когда же мы узнаем, что главную роль исполняет Евгений Леонов, — сердца наши преисполняются желанием «вкусить», и мы торопимся в кинотеатр с надеждой на смех, с ожиданием веселой и мудрой комедии.

«Зигзаг удачи» уже месяц не сходит с московских экранов, имеет богатую и разнообразную прессу, но эта статья не запоздалая рецензия на фильм, а еще одна попытка поговорить о человеке, на котором он держится. О Володе Орешникове, точнее, о Евгении Леонове.

— Евгений Павлович, — спросил я у Леопова, — вы солидарны с миллионами ваших почитателей, искренне считающих вас комическим актером?

— Нет, — ответил Леонов. — Ну какой же я комик? Я этого и не люблю вовсе — смешить людей. Если в роли ничего нет серьезного, если она обходит стороной жизнь и всякие ее сложности, то мне это неинтересно. Ситуации, в которые попадает мой герой, часто оказываются смешными, это верно — но такой уж он человек. Малость смешного, конечно, «подпускаю» в своего героя. А как же иначе — без этого сухость одна получается, живой ведь человек. Если уж хотите одним словом — люблю роли трагикомические.

Как обычно создается устойчивое актерское амплуа? Ответ прост: исполнением ряда одноплановых ролей, возведенных на прочном типажном фундаменте. Молодого актера, обладателя яркой фактуры, приглашают на роль, требующую от него не уверенного мастерства перевоплощения, напряженной внутренней жизни в образе и пр. и пр., а только лишь непосредственной и в достаточной степени техничной эксплуатации собственных внешних данных.

К Евгению Леонову эта устойчивая схема никак не подходит. Его ак-

терская биография началась в 1948 году в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского, годом позже Леонов дебютировал в кино. В эпизоде. С тех пор у него набралось десятка полтора таких вот эпизодических ролей. Режиссеры охотно приглашали Леопова: яркая типажность, уже сама настраивающая зрителей на юмористический лад, красочность исполнения придавали крошечной роли выпуклость и законченность. Зритель со временем запомнил это лицо, узнавал его на экране, хотя и не всегда знал фамилию актера. И когда вышел на экраны фильм «Тридцать три», герой его, скромный служащий завода безалкогольных напитков Иван Сергеевич Травкин, был мгновенно опознан. Уважение, признание, известность, популярность — экранная слава пришла к Леонову сразу, — а ведь в театре он к тому времени уже давно играл главные роли, прошел большую школу мастерства у Михаила Яншина. Этим, видимо, и объясняется прочный и, если можно так сказать, уверенный успех Леопова в первой же большой кинороле. Зритель чувствует зрелого мастера, пришедшего на экран со своей темой, со своим героем, с собственным пониманием целей и возможностей актера в кинематографе.

Сегодня, когда Евгением Леоновым сыгран ряд отличных ролей, у нас есть возможность говорить об удивительной верности актера своему герою, в каких бы обликах ни появлялся он на экране.

Да, конечно, типажная обрисовка героя имеет для Леопова огромное значение. Свои внешние данные он использует умело и с максимальной точностью: первое же появление героя, походка, жест, два-три слова — и уже расставлена масса акцентов, мы можем уже в самом общем виде составить себе мнение о его биографии, социальном положении, характере, привычках...

Стоит, однако, разомкнуть заволаживающий своей доходчивостью и законченностью рисунок роли, вырваться за его пределы, сбросить с себя обаяние леоновских жестов и интонаций. Стоит взять на себя труд проникнуть в душу его героя, постигнуть его тайные помыслы и устремления. И тогда под оболочкой простофили — а именно в таком виде предпочитают существовать на экране герои Леопова — откроется человек сложный и богатый. Со своей внутренней жизнью. Со своими проблемами. С собственным, леоновским миропониманием.

При этом герои Леопова реагируют на всевозможные жизненные повороты неодинаково. Реакция обусловлена средой, профессией, социальным положением. Скажем, добродушно респектабельного Россомехина (картина «Фокусник») совершенно невозможно представить втянутым в ту дикую, нелепую карусель, что завертелась вокруг простодушного Травкина. Точно так же маниакальное вождение, испытываемое Володей Орешниковым при виде «зеркалки» «Зоркий-С» и дающее ход всему фильму, есть сугубо индивидуальная черта, полностью определяемая его, так сказать, призыванием фотографа.

Но вот что касается мировоззрения, то оно у всех без исключения героев Леопова едино. В очередном фильме им наделяется очередной персонаж — как бы дух чей-то, неизменный, вечный, вселяется в новую душу.

Орешников, например, переживший волнующие минуты обладания огромной суммой денег и пристыженный затем коллективом, не помышляет более о деньгах — интерес к ним у него пропал. Единственное, что его волнует теперь, — это поправная справедливость, восстановлением ее он и занимается в меру своих сил. Но вспомним, чем была для Травкина неожиданно свалившаяся слава? В лучшем случае — необходимостью. Ни материальных, ни даже моральных ее преимуществ он не жаждал. Ему бы зубную боль унять... Что ж, если наука заинтересована в его больном зубе, он может и потерпеть. Так что и им двигало чувство справедливости — «исторической справедливости», сказал бы Травкин, обладая он склонностью к философствованию.

Чувство высшей справедливости, кстати, движет и Шибалком из «Донской повести», когда вынужден он собственной рукой убить любимую женщину, принесшую ему и счастье, и горе.

Если мы всмотримся во всех без исключения героев Евгения Леопова, то обнаружим в них прежде всего безусловную доброту. Исконную, идущую из нутра, всегда готовую проявиться, буде возникнет в ней нужда, да и без нужды — в облике, во взгляде, в голосе, манере слушать...

Право, что, кроме доброты, движет сюжет «Зигзага удачи»? Отнимите у Володи Орешникова его природную доброту, его уживчивость, его нежелание ссориться с товарищами из-за каких-то десяти тысяч рублей — изымите все это из фильма, и он рухнет в ту же секунду. Да и милейший Травкин виноват в заварившейся кутерье лишь постольку, поскольку участлив он, доброжелателен к людям, вовсе не стоящим его доброго отношения, суетливым, в мелких делишках ищущим мелкие выгоды.

Герой Леопова — это человек, живущий в мире и нутром сознающий, что жизнь эту надо прожить человеком, потому что, куда ни кинь глаз, вокруг тоже люди, такие же точно — их множеством жив ты сам.

И еще. Коль скоро ты принимаешь эту жизнь, и она поручает тебе дело, то исполняй его «на совесть», будь верен ему всегда... Не в этом ли, между прочим, смысл доверчивости к своему неверному «окружению» работы Травкина, не умеющего сразу отличить столичное порхание от привычной провинциальной основательности!

Героизм Леопова присущ жизненным оптимизм, вера в жизнь. Они накрепко связаны с землей. Не с той, деревенской, по которой сохнут в городе шупшинские парни, а с той, на которой они твердо стоят обеими ногами. Где стоят — не суть важно. Потому-то не оказывают на них заметного влияния среда, профессия, что их связи с миром проходят не по этим — призрачным для них — категориям. Народ жив такими людьми, в них его сила и жизнестойкость.

И мы с полным правом можем сказать, что в истоках образов, создаваемых на экране Евгением Леоновым, лежит русская народная традиция — равно фольклорная и литературная, и в этом их огромное значение для сегодняшнего нашего киноискусства, в этом их своеобразие.

Поэтому, когда мелькнет на экране знакомая фамилия, когда снова появится перед вами Евгений Леонов, — улыбайтесь, пожалуйста. Но не только. Постарайтесь всмотреться в его нового героя. Заглянуть ему в душу. Проникнуться к нему доверием и сочувствием.

И тогда он оплатит вам тем же.

Д. ОСТРОВСКИЙ.

„Московскийсомолец“
5 февр 1969.